

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ

G. OSTROGORSKY. GESCHICHTE DES BYZANTINISCHEN STAATES.

(Byzantinisches Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft 1, 2). München, 1940.

Г. А. Острогорский — автор многочисленных трудов по истории Византии. Наиболее крупными из них являются работы о хронологии Феофана, о византийской податной системе (Steurgemeinde Das Steuersystem im byzantinischen Altertum und Mittelalter, Byzantion VI, 1931), по иконоборческому периоду (Ueber die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier). Этими работами Острогорский завоевал себе значительный научный авторитет за границей. Перед началом второй мировой войны Мюнхенское издательство поручило ему приготовить к печати „Историю Византии“, как важнейшую часть выпускавшейся немецко-фашистским издательством византийской настольной книги, или византийского гандбуха, задуманного по типу Handbuch der Altertumswissenschaft И. Мюллера.

Книга начинается кратким очерком византийской историографии (стр. 1—14) и состоит из восьми глав: 1) Основы ранневизантийского государственного развития 324—610 гг. (стр. 14—52); 2) Борьба за существование и возрождение Византийского государства 610—711 гг. (стр. 52—97); 3) Время иконоборческого кризиса 711—843 гг. (стр. 97—147); 4) Расцвет Византийской империи 843—1025 гг. (стр. 147—213); 5) Господство дворцовой чиновничьей знати 1025—1081 гг. (стр. 213—243); 6) Господство военной знати 1081—1204 гг. (стр. 243—298); 7) Латинское господство и реставрация Византийской империи 1204—1282 гг. (стр. 298—339); 8) Падение Византийской империи 1282—1453 гг. (стр. 339—419).

В предисловии автор ставит своей задачей „показать развитие Византийского государства, как оно обусловлено было воздействием внутренних и внешних политических факторов“, но главное внимание уделяет внутренней социально-политической истории. Факты

внутренней и внешней, политическо-церковной, культурной истории излагаются в их исторической обусловленной связи и хронологической последовательности.

В отличие от Дия, который в своей книге „Le monde oriental“ историю Византии начинает со смерти [Феодосия I, Острогорский началом Византии считает царствование Константина, но, сообразно общему плану гандбуха, ранневизантийский период трактует чрезвычайно сжато и конспективно. Три столетия существования мировой империи изложены на 35 страницах. Игнорируя роль и значение ожесточенной классовой борьбы, раздиравшей в то время империю, оставляя без надлежащего рассмотрения вопросы социальной и политической истории V—VI вв. (в частности вопрос о димах, их классовой сущности и политической роли), Острогорский, как и его предшественники, оказывается бессильным объяснить, почему Восточно-Римская империя надолго пережила Западную и чем был вызван тот глубокий кризис, который она пережила в первой половине VII в.

Двигателем истории у Острогорского выступают не классы, а великие люди: из них первым в истории Византии является Юстиниан. „Мощь его всеохватывающего духа“ (стр. 44) обусловила усиленную кодификационную деятельность в области права; „расцвет культуры и искусства“; „обширные завоевания на западе“. Но смерть творца обусловила и крах творения.

В первых главах своей книги Острогорский возражает против утверждения Дия, что византийская культура в своем развитии приобретала все более восточный характер. По мнению Острогорского, роль восточных элементов в византийской истории и культуре была меньше, чем это обычно предполагают. Он ссылается на новейшие исследования, как, например, на книгу Alföldi. Die Ausgestaltung des Monarchischen Zeremonielles am römischen Kaiserhof, которая показывает, что дворцовый церемониал развивался на базе римско-эллинистической. Политические устои Византии, по его мнению, были римскими, культура — греческой, или, точнее, эллинистической, причем термин „эллинизм“ предполагает сочетание культур греческой и восточной. Но культура греческая превалировала. Византийская культура, по Острогорскому, была не чем иным, как „перенесенной в средневековье культурой греко-римской античности“ (стр. 412). Это, конечно, является грубым упрощением.

Нельзя отрицать значения и важности эллинистических культурных традиций так же, как и эллинистических корней византийской хозяйственной системы, но отождествлять византийскую культуру с антич-

ной культурой, считать первую простым осколком последней, лишать Византию всякого самостоятельного творческого развития — значит впадать в явное противоречие с исторической действительностью.

Острогорский признает, что димы IV—VI вв. были политическими партиями, но он отказывается от определения их классовой природы. Он несогласен с теорией, в настоящее время принятой советскими учеными, по которой „голубые“ представляли преимущественно городскую аристократию, крупных землевладельцев — наиболее знатные, состоятельные, „законопослушные“ элементы населения; „зеленые“ же являлись представителями более демократических слоев — торговцев, ремесленников, моряков.

Но единственным серьезным аргументом, выдвинутым Острогорским против этой теории, является ссылка на то, что „голубые“ защищали Фоку и, следовательно, не могли быть представителями аристократических элементов. Однако он упускает из виду, что „голубые“ далеко не сразу примирились с режимом Фоки, да и примирение это было наружным, так как именно сенаторская аристократия во главе с Приском призвала Ираклия в качестве освободителя от тирании Фоки.

Первые две главы книги Острогорского, несмотря на их краткость и сжатость, а может быть, именно потому, не свободны от ряда произвольных суждений и ошибок. Например, никак нельзя согласиться с Острогорским, когда он вслед за Янсенс пытается уверить читателя, что при Маврикии „зеленые“ составляли правительственную партию. Исследования Dölger'a и Дьяконова убедительно показали, что Маврикий, так же как и его предшественники, опирался на „голубых“.

Несторианская и монофизитская „ереси“ трактуются в книге шаблонно, с богословской точки зрения, как простые христологические споры, причем не учитывается то обстоятельство, что дуализм восточных ересей отражал мировоззрение угнетенных сирийцев и коптов.

Начиная с Ираклия изложение делается более обстоятельным и соответственно с этим приобретает больший интерес. Острогорский развенчивает иконоборцев, которые довольно непочтительно относились к иконам, мощам, монастырям и византийскому монашеству. Еще раньше он написал работу „Ueber die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier“, в которой отрицает реформаторскую деятельность исавров, стараясь доказать, что истинными реформаторами являлись Ираклий и его династия, а не императоры иконоборцы, что обычно приписывается иконоборческой эпохе $\nu\omicron\mu\omicron\varsigma$

ἡγεμονίας, не принадлежит иконоборческой эпохе. Здесь Острогорский резко расходится не только со старыми авторитетами — Цахариэ фон Лингенталем, В. Г. Васильевским, Ф. И. Успенским, но и с новейшими, например с Дилем, хотя, если нельзя считать строго установленной принадлежности вышеуказанного юридического документа иконоборцам, то, с другой стороны, очень мало веских оснований и у Острогорского приписывать, например, Земледельческий закон Юстиниану II.

Развенчивая иконоборцев, Острогорский чрезвычайно высоко расценивает деятельность Ираклия и его преемников. Ираклий у него выступает восстановителем (Erneuerer), преобразователем и спасителем Византийской империи, создателем фемного строя, создателем туземных территориальных войск, преобразователем государственного аппарата. Трагедия Византии при Ираклии, по мнению Острогорского, заключалась в том, что восточные провинции империи „не успели воспользоваться благотворным последствием реформ Ираклия“. Но созданное им военное и государственное устройство осталось прочным приобретением Византии. Благодаря реформам Ираклия государство смогло выдержать упорную вооруженную борьбу с сербами и болгарами, а в последующие столетия перейти в решительное победоносное наступление как в Азии, так и на Балканах. В своем возвеличении династии Ираклия Острогорский, однако, упускает из виду, что именно при этой династии Византия перенесла страшный военный разгром, потеряла две трети своей территории и при Юстиниане II стояла на краю гибели, от которой была спасена только иконоборцами.

Советские византилисты считают, что византийское крестьянство в VII в. в своей основной массе сделалось свободным, вырвав после ожесточенной борьбы свободу у своих эксплуататоров, и что ему много помог в достижении этой цели военный разгром империи арабами и славянами, особенно славянские вторжения и славянская колонизация империи. Таким образом, если рабовладение и колонат потеряли господствующее положение в Византийской империи, то в этой их ликвидации немалую роль сыграли славяне. Славяне не разрушили Византийскую империю, как германцы и другие варвары разрушили Западную империю, но они сильно способствовали изменению общественного строя Византии, своим варварством „омолодили“ Восточную Европу.

Но Острогорский допускает в Византии только существование податной общины, созданной государством и не имеющей ничего общего с общиной-маркой, характеризующейся периодическими пере-

делами земли. О появлении Земледельческого закона под славянским влиянием не может быть и речи: „наоборот, νόμος γεωργικός оказал сильное влияние на южных и восточных славян, после того как он в XIII и XIV вв. в укороченной и переработанной форме был переведен на сербский язык и в конце XII и XIII вв. на русский“ (стр. 88). Общины-марки и системы общественных земельных переделов, по Острогорскому, никогда не существовало в Византии, в ней якобы всегда господствовала неограниченная, оформленная римским правом, индивидуальная и наследственная земельная собственность. В установлении этого „факта“ Острогорский видит „великую и незабываемую заслугу Панченко“.

Мы могли бы спросить Острогорского, как могли арабы сохранить общину в Египте, Месопотамии, Сирии, Армении, когда эти области были ими отвоеваны у Византии, если там никогда не существовало общинных порядков? Но для историка-марксиста нелепость огульного отрицания общины-марки настолько очевидна, что не нуждается в опровержении.

В рецензируемой книге Острогорский признает, что Византия стояла несокрушимо, пока сохранялось свободное крестьянство.

Он заходит даже так далеко, что объявляет VII—VIII вв. в Византии „свободными от феодализационных процессов“, констатируя в это время „устойчивую социальную однородность“ византийского населения. Социальная дифференциация якобы наступает только с IX в. (стр. 179). VII, VIII и начало IX в. он признает дофеодальным периодом истории Византии, критикуя взгляды А. А. Васильева; что „феодализационные процессы наблюдаются в Византии в течение всего тысячелетнего периода ее существования“.

Причиной появления в Византии VII в. многочисленного класса свободных крестьян Острогорский считает реформы Ираклия 1) фемный строй, 2) его податную реформу. Создание фемного строя, по Острогорскому, явилось не только базой новой византийской административной системы и византийской вооруженной силы, — оно обусловило дальнейшее экономическое и социальное развитие государства. Образование свободного крестьянства ставится в тесную связь с системой воинских участков. Стратиготу в выполнении воинской повинности наследовал старший сын, получавший и воинский участок. Остальные же его дети вливались в ряды свободных крестьян, усиливали крестьянство и обрабатывали земли, запустевшие и заброшенные. Так образовалась в VII в. широкая прослойка свободных и самостоятельных крестьян, бывшая редкостью в ранневизантийский период. Подтверждение этому

Острогорский находит в Земледельческом законе. Здесь Острогорский сильно преувеличивает значение реформы Ираклия вообще и фемного строя в частности. То, что является в истории Византии, по справедливому замечанию В. Г. Васильевского, целым этнографическим и социальным переворотом, в значительной степени происходившим стихийно, Острогорским приписывается сознательно и планомерно проведенной реформе Ираклия. Преувеличивается и значение образования фем. Одно лишь наделение стратиотов воинскими участками не могло, конечно, превратить юстиниановских колонов в рабов и свободных, самостоятельных хозяев.

К VII в. Острогорский относит ликвидацию или, вернее, преобразование *ἐπιβολή*. Теперь обязанность выплачивать подати за пустующую землю возлагалась на сельскую общину, которая пользовалась и пустующим участком. Этот новый порядок круговой поруки, позднее обозначаемый как *ἀλληλέγγυον*, появляется перед нами впервые в Земледельческом законе.

Далее исчезает диоклетиановская *jugatio-capitatio*, представляющая своеобразное сочетание поголовной и поземельной подати. В VII в. поголовная подать отделяется от поземельной и взимается с налогоплательщиков независимо от их прикрепления к земле. Благодаря этой податной реформе отпадала необходимость прикрепления к земле, на чем неумолимо настаивало позднеримское законодательство. Но Острогорский и здесь упускает из виду то обстоятельство, что господствующий класс был не в состоянии сохранить старые формы эксплуатации земледельческого населения, и законодательные „реформы“ византийцев только оформили те отношения, которые уже складывались раньше в реальной действительности.

Острогорский упрямо продолжает рассматривать иконоборческое движение как чисто идейное. С точки зрения Острогорского, безостановочный рост монастырей нельзя считать безусловно отрицательным для государства явлением. В Византии того времени было обилие пустующих земель, а монастырская колонизация уменьшала их количество. Рост монастырского землевладения не наносил ущерба государству, так как в Византии церковная и монастырская собственность в основном освобождалась от податного бремени (стр. 89). Иконоборцы, по его мнению, принесли много зла своей стране, ввергнув ее в длительное и тяжкое лихолетье (стр. 110). Они ликвидировали высшее образование в Византии; иконоборческая эпоха отличается культурным бесплодием (стр. 151) и одичанием. Острогорский как бы забывает, что культурный подъем Византии

обозначился уже в иконоборческую эпоху, давшую таких выдающихся ученых, как Лев Математик и Иоанн Грамматик. Окончательную победу иконопочитания Острогорский считает благодетельной для Византии.

В своих стараниях всячески дискредитировать иконоборческое движение Острогорский впадает в противоречия. По его мнению, при Феофиле иконоборчество находило себе поддержку только в Константинополе. Малая Азия, по его мнению, теперь отказывалась от поддержки иконоборческой политики и стала на сторону иконопочитания. В то же время Острогорский сам вынужден признать, что после окончательного торжества православия „византийское правительство выдержало сильнейшую борьбу с сектой павликиан, которая, благоприятствуемая иконоборческими императорами, нашла сильное распространение в восточной части Малой Азии“ (стр. 166).

Как и Диль, Острогорский высоко расценивает деятельность Македонской династии, которая, по его мнению, привела Византию на вершину могущества и славы. Но сам Острогорский вынужден признать, что прославляемый им режим хронологически совпал с усилением византийской аристократии, а этот процесс в его дальнейшем развитии „потряс императорский абсолютизм и похоронил весь государственный организм“. А если дело обстоит так, то как можно говорить, что Македонская династия обеспечила великий политический и культурный подъем Византии?

В правление Льва VI, читаем мы в книге, аристократия обладает уже такой силой, что оформляется как особая прослойка и настолько упрочивает свои привилегии, что правительство официально закрепляет за ней право на занятие всех высших государственных должностей („Тактика“ Льва официально признает, что должности сенаторов и высшие командные посты должны занимать только почетные, богатые люди *Tactica Leonis II, Vari I, 29*).

Если общая характеристика Македонской династии признается нами неверной, то ряд специальных экскурсов в главе о Македонской династии — о развитии фемного строя, административной системы, по истории комитопулов и образованию царства Самуила и др. — заслуживает внимания.

Правильно отмечается, что с теорией Дринова об образовании в 963 г. Западно-болгарского царства Шишманидов наука ныне уже не считается, а имеют хождение две противоположные точки зрения.

Большинство исследователей держится того мнения, что от царства Симеона в 969 г. под предводительством комитопулов отделилось Западно-болгарское (Македонское) царство, которое начало самостоятельное существование, что Цимисхием была завоевана только восточная часть Болгарского царства, а Западное продолжало существовать и дальше и образовало ядро царства Самуила.

Согласно другой точке зрения (Анастасиевича), разделения на Западную и Восточную Болгарию никогда не было; Цимисхий покорил всю Болгарию, и только благодаря восстанию комитопулов в 976 г. страна была освобождена, и создано было царство Самуила. Взгляды Анастасиевича Острогорский считает правильными, хотя обе теории делают ту ошибку, что покорение страны мыслят в форме полной оккупации всей ее территории.

Как показывают скудные источники, восстание 969 г. не имело значительных последствий, и только восстание 976 г. привело к желанной цели.

Разложение Византийского государства начинается, по Острогорскому, после смерти Василия II. Наряду с Ираклием он „воплощает героический период Византийской империи, который один открывает, а второй заканчивает“ (стр. 222). После Василия Болгаробойцы государство, пишет Острогорский, перестает быть надклассовой организацией. (Таковой, конечно, оно было только в воображении автора). Оно становится представителем определенной социальной группы — крупного землевладения, именно столичной, чиновной, гражданской аристократии. Характерными последствиями ее деятельности были, с одной стороны, культурный расцвет столицы, а с другой, — упадок военной мощи государства.

Показателями начавшегося разложения государства, кроме быстрого исчезновения свободного крестьянства, Острогорский считает паралич старой византийской податной системы в виде прекращения *ἀλληλέγγυον*. Крестьяне теперь были не в состоянии платить эти добавочные налоги, а знать не желала этого делать.

Взгляды Dölger'a, отстаивавшего существование *ἐπιβολή* в средневизантийское и поздневизантийское время, Острогорский считает противоречащими ясному показанию источников, так как хотя этот термин встречается в источниках позднего времени, но в широком смысле раскладки податей или распределения земли. Показателем разложения государства являлось далее щедрое наделение иммунитетными правами светских землевладельцев. В ранневизантийский период иммунитетное право наблюдается

только в виде исключения, но в XI в. проявляется в размерах, подрывающих авторитет центрального правительства. Даже взимание налогов — важнейшую функцию правительственной деятельности — центральное правительство частично выпускает из своих рук, сдавая государственные доходы на откуп. Сообщения Кекавмена прекрасно показывают, что система государственных откупов получила самое широкое распространение при эпигонах Македонской династии.

В главе VI „Господство военной знати“, охватывающей период 1081—1204 гг., автор показывает классовую природу династии Комнинов и изменение способа организации вооруженной силы. Дается критика ошибочных взглядов Мутафчиева, пытавшегося доказать, что институт пронии не имел специфического военного характера. Но Мутафчиеву удалось показать это только для докомниновского периода, тогда как с XII в. источники с полной ясностью обнаруживают военный характер проний как на южно-славянской, так и на византийской почве. Преобладающую роль при Комнинах играло наемное войско; старые стратистские участки пришли в упадок. Вооруженная сила при Комнинах, поскольку речь шла о туземном войске, в основном базировалась на крупном землевладении. Обязанность поставки стратиотов лежала не только на прониарах, но и на земельной собственности, т. е. каждый округ должен был выставлять определенное количество воинов, но только легко вооруженных. Основой же туземной вооруженной силы теперь являлись прониарные земли, так как они должны были поставлять тяжело вооруженных конников (стр. 262).

В книге дается обстоятельный очерк международных отношений при Комнинах. Отмечается, что при Конраде III „европейские государства раскололись на два больших лагеря: на одной стороне — Византия, Германия, Венеция, на другой — норманны, вельфы, Франция, Венгрия с Сербией, и позади них — папство. Борьба между Византией и Венгрией отразилась и на отдаленной Руси. Обе державы втянули в борьбу русские княжества. Если Венгрия поддерживала Изяслава Киевского, то Византия — Юрия Долгорукого и Владимира Галицкого. Юрий Долгорукий и был восстановлен на Киевском троне.

Но детально разбирая международную политику Комнинов, Острогорский оправдывает их грубейшие ошибки, заключавшиеся в том, что они все время тянулись к Сирии и Антиохии, к Киликийской Армении, выдвигали при Мануиле фантастический план восстановления Римской империи под эгидой Константинополя, вместо того чтобы сосредоточить все силы на осуществлении

насушнейшей для Византии задачи — вытеснения турок из центральных районов Малой Азии.

К попытке реформ и создания демократической империи, принятой Андроником Комнином, Острогорский относится, как и следовало ожидать, отрицательно и считает ее пагубной для Византии. По его мнению, „борьба против феодальных сил в X в. была возможна и политически целесообразна; при Андронике же она была не только безнадежна, но имела для государства пагубные последствия“. „Крупная землевладельческая знать была давно единственным представителем государственного начала и носителем его военной мощи. Оттеснить ее в конце XII в. было уже невозможно“. Массовое истребление Андроником византийской аристократии, по мнению Острогорского, подрывало самые основы вооруженной силы Византийского государства.

Таким образом, попытка реформ, предпринятая Андроником была совершенно безнадежна, и возрождение Византийского государства было уже невозможно (стр. 283). Здесь Острогорский противоречит самому себе, так как на стр. 317 он утверждает: „Экономические и фискальные порядки Никейского государства при Иоанне Ватаце были гораздо более здоровыми, чем порядки Византийской империи при последних Комнинах и Ангелах. Гораздо более здоровым было и само государство, и это показывает, что жизненная сила византизма была еще не исчерпана и возрождение Византийского государства было еще возможно“. Но если оно было возможно в эпоху Никейской империи, то почему оно оказывалось невозможным при Андронике Комнине? Дело не в фатальной обреченности Византии, а в том, что партия реформ, хотевшая спасти государство, потерпела поражение, а победившая аристократия неудержимо повлекла государство в пропасть.

Главе VIII — „Падение и распад Византийской империи“ предпослано обстоятельное источниковедческое введение (стр. 334—340). Распад Византии при Палеологах Острогорский объясняет возвращением Византии к непосильной для нее великодержавной политике. „Уже с конца XII в. Византия была бессильна удерживать старое положение военной державы. Отброшенные в Малую Азию, византийцы создали там Никейское государство, которое было внутренне крепче и здоровее, чем старая империя. Но это „провинциальное“ государство не являлось для них самоцелью. Оно было только мостом к восстановлению старого великодержавного положения. Это положение оказалось восстановленным в героических боях, но Византия снова оказалась неспособной его удержать“ (стр. 339).

Автор не хочет отметить таких важных фактов классовой борьбы, как переворот в Никее 1258 г., обеспечивший полную победу аристократии, разгром восстания малоазиатских акритов и крестьян в 1262 г., вытекающее отсюда перенесение центра обороны на наемников и возвращение к старой системе переобременения податных масс налогами. Поэтому „феодализационный процесс“ развивается у Острогорского самопроизвольно, в отрыве от классовой борьбы; это является основным недостатком всей книги.

Международные отношения Византии при Михаиле Палеологе Острогорским излагаются обстоятельно. „Против кольца враждебных Византии сил, которое окружало империю, Михаил создал более обширное кольцо, которое должно было держать под ударом врагов империи: как монголы Хулагу оказывали давление на султанат Рум, так татары-ногаи оказывали давление на Болгарию. Позади сербов стояли союзники империи — венецианцы. Карл Анжуйский, главный враг Византийского государства, удерживался от нападения на Византию папством, увлеченным надеждами на унию“ (стр. 329). Быстрый упадок Византии после Михаила VIII Острогорский объясняет тем, что „государственный организм при нем был слишком перенапряжен и после непомерного напряжения государства при Михаиле VIII, при Андронике естественно наступила реакция“. Между тем Византия подверглась одновременному нападению быстро усиливающихся османов и сербов. Истощенное в военном и финансовом отношении государство было бессильно противостоять двойному натиску — с Востока и Запада. Задержанный в Никейской империи „феодализационный процесс“ получил дальнейший толчок и достиг в XIV в. своего высшего развития. Острогорский обстоятельно описывает этот процесс и только воздерживается, как обычно, от выяснения причин, почему именно в XIV в. этот „феодализационный процесс“ получил дальнейший толчок и достиг своего высшего развития. Несомненно, что тогда процесс исчезновения свободного крестьянства и даже мелкой знати пошел ускоренным ходом. Крупные собственники вырывали у слабейшего государства все больше привилегий не только налогового, но и судебного порядка, и среди общей разрухи только крупные собственники вели беспечальное существование. Так как крупная земельная собственность все в большей степени освобождалась от налогового бремени, — государственные доходы все более убывали, причем это убывание ускорялось возрастающими злоупотреблениями налогового ведомства. Вместе со стратиотскими землями быстро исчезали и мелкие прониарные, как об этом красноречиво свидетельствуют Хиландарские документы XIV в. Что касается крупных

прониаров, то они постепенно освобождались от всякой государственной службы. Различие между прониарными и наследственными землями исчезало.

У крупных прониаров земли, которые первоначально им давались *κατὰ λόγον προνοίας*, все более превращались в земли *κατὰ λόγον γονιότητος*, т. е. становились наследственной неограниченной собственностью и таким образом безвозвратно терялись для государства (стр. 344).

Банкротство прониарной системы ярче всего выражалось в том, что византийское войско теперь уже не в большей части, как при Комнинах, но почти исключительно состояло из чужестранных наемников, чем на государство накладывалась колоссальная, непосильная тяжесть.

При Михаиле VIII византийское войско еще состояло из нескольких десятков тысяч воинов. В 1263 г. в одном Пелопоннесе на строевой службе находилось 6 тыс. всадников (Морейская хроника, 4517); в походе 1279 г. на Болгарию участвовало не менее 10 тыс. (Пахимер, I, 466). По масштабам средневизантийского и даже комнинского времени это были очень ограниченные силы. Но для обедневшего государства содержание наемного войска даже в этих ограниченных размерах представляло непосильную тяжесть (Пахимер, I, 466). Шарпан (Michel Paléologue) вслед за Гопфом определяет совокупность византийских вооруженных сил при Михаиле VIII в 20 тыс., из коих 15 тыс. приходилось на подвижную армию и 5 тыс. на гарнизон. Расчеты Шарпан'а и Гопфа Острогорский признает преуменьшенными, так как 15 тыс. сражавшихся в 1263—1265 гг. в Пелопоннесе составляли только часть вооруженных сил Византии. Одновременно вооруженная борьба, в которой участвовали византийские отряды, шла и в других местах.

Но содержание наемного войска даже в таких ограниченных размерах было уже непосильно для Византии. Византийскую армию нужно было значительно сократить; это было сделано Андроником II. Полагаясь на своих генуэзских союзников, он совершенно отказался от содержания морского флота; это, по выражению Григоры, сделало его посмешищем перед всем светом (Nic. Gregoras, 174).

Острогорский отбрасывает ошибочные представления византийцев (Диль, Андреадиса) о размерах византийского государственного бюджета, который Диль, вслед за Андреадисом, доводил до 650 млн. золотых франков. Даже в ранне- и средневизантийский период государственные доходы никогда не превышали 7—8 млн. золотых номисм (35 млн. золотых рублей).

Податная реформа Андроника II заключалась в том, чтобы довести налоговые сборы до 1 млн. номисм-иперпиров. Чтобы добиться такого повышения, нужно было увеличить податное бремя, ввести новый налог — *σιτοκριδον*, причем каждый налогоплательщик должен был поставлять государству про *zeugario* 6 модиев пшеницы и 4 модия ячменя (Пахимер, II, 493). Характерно, что определенная Андроником сумма налогов считалась современниками необычайно высокой. Одно это показывает, как сильно обеднела Византия. Если в ранне- и средневизантийский период ежегодные доходы государства достигали 7—8 млн. полновесных золотых номисм, то теперь годовые налоговые поступления с великим напряжением могли быть доведены лишь до 1 млн., хотя номисма обладала только половиной своей прежней стоимости. Намеченное Андроником увеличение доходов должно было покрывать необходимейшие расходы: уплату дани туркам и содержание постоянного войска из 3 тыс. всадников, из коих 2 тыс. в Европе и 1 тыс. в Азии (Gregoras, I, 317). Однако и эти намеченные реформы, которые Андроник хотел положить в основу византийского бюджета, оказались сорванными его преемниками.

Поэтому с конца XIII в. численность выступавшего в поход византийского войска редко превышала 2 тыс. воинов. Это одно объясняет, почему Византия оказалась беззащитной перед натиском османов. Сюда нужно добавить гражданские войны, раздиравшие империю Палеологов в первой половине XIV в. Понятно, что если Михаил XIII еще мог не допускать ни генуэзцев, ни венецианцев к чрезмерному вмешательству во внутренние дела Византии, сохранять по отношению к ним известную самостоятельность, то Андроник II должен был всецело отдаться в руки генуэзцев.

Мощное движение народных низов, нашедшее свое высшее выражение в Фессалоникийской коммуне (1342—1349 гг.), с нашей точки зрения, при условиях победы трудящихся масс и ликвидации эксплуататорских элементов, могло бы еще и тогда спасти Византию от гибели. Во всяком случае оно представляло единственный шанс на спасение, но Острогорский, как всегда, и на этот раз с нескрываемой враждебностью относится к „социальной революции“, вспыхнувшей в Византии, хотя сам вынужден признать, что к этому времени „вся собственность сконцентрировалась в руках тонкого аристократического слоя, и против него направилась ненависть обнищавших масс“ (стр. 370). Он даже недоволен новейшей историографией, например работой Тафрали, изображающей движение зилотов как прогрессивное, в сочувствующих тонах. Свое

глубоко отрицательное отношение к движению зилотов Острогорский пытается подкрепить ссылкой на источники, отмечая, что не только Кантакузин, но и его позднейший противник Никифор Григора рисует „революцию“ в самых мрачных красках (стр. 370), как будто бы средневековые источники, в классовом отношении принадлежавшие к феодальным верхам, были способны когда-либо понять плебейское революционное движение и ему сочувствовать. От Острогорского, как и от средневековых историков, не приходится ожидать объективно-научного изучения истории зилотов. Встречаются у него, однако, и здесь единичные верные наблюдения. Так, справедливо замечание, что „зилоты, которые не напрасно считались учениками Варлаама и Акиндина, находились в неукротимой вражде с исихастами, союзниками Кантакузина, и таким образом политические зилоты были врагами церковных зилотов“ (стр. 374).

Если мы считаем, что разгром политических зилотов лишил Византию последней надежды на спасение, что течение, возглавленное Варлаамом и Акиндином, было в своей основе прогрессивным, а победа исихастов вместе с победой их союзника Иоанна Кантакузина оказалась гибельным для Византии событием, то Острогорский держится противоположного мнения. Победа исихастов, по его мнению, имела для Византийской империи не только в религиозном, но и в культурном отношении очень большое и положительное значение (стр. 374). Кантакузина, который нанес смертельный удар Византии, Острогорский пытается взять под свою защиту, пытается даже защищать от совершенно бесспорного обвинения, что именно он, Кантакузин, ввел турок в Европу.

Таким образом, у Острогорского мы можем наблюдать то же, что и у многих других буржуазных историков. Их эрудиция, их хорошее знание источников не мешают им извращать исторические факты и события, жертвовать научной объективностью в угоду своим реакционным политическим тенденциям. Поэтому и вопрос о причинах гибели Византии не мог получать у Острогорского полного и исчерпывающего объяснения. По Острогорскому, Византия была сильной, пока существовало свободное крестьянство. Исчезновение свободного крестьянства и развитие феодализационного процесса погубили Византию. Но этого ответа недостаточно, так как развитие крепостничества и феодализационный процесс имели место и в других средневековых странах, которые, однако, от этого не погибли. Острогорский не подчеркивает специфику Византии, как страны, которая, по характеристике Маркса, „была главным цен-

гром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе“,¹ где особенно живуч был рабовладельческий уклад. Нигде правительс ю так не опекало народ, как в Византии, подавляя всякую самостоятельность. Нигде в средневековой Европе трудящиеся массы не испытывали такого тяжелого давления светской и церковной бюрократии. Еще Николо Макиавелли в своих „Размышлениях на первую декаду Тита Ливия“ правильно заметил, что только „свободный народ может быть сильным и могущественным народом“. В этом заключалась трагедия Византии, несмотря на ее сравнительно высокую культуру, крупные природные богатства, трудолюбивое население. Для всех времен и народов Византия является трагическим примером того, к чему приводит систематическое подавление трудящихся масс, господство коррумпированной и бесконтрольной бюрократии над безгласным населением. Революции — локомотивы истории — не обессиливают, а укрепляют и омолаживают народы. Но этого благодетельного оздоравливающего и омолаживающего влияния революционной грозы не суждено было испытать Византии. Ряд сокрушительных экономических и политических поражений, которые терпела Византия в борьбе с соседними народами с XI в., явился неизбежным последствием нарастания внутренних классовых противоречий. Но, чтобы разобраться в этих противоречиях, нужно изучить реальный ход классовой борьбы. Острогорский же принципиально ее отвергает как движущую силу истории, заменяя ее культом вождей.

Острогорский много говорит о притягательной силе византийской культуры. Взгляды эти не новы. В настоящее время все больше признается (и не только византинистами), что медиевистика до сих пор недооценивала византийскую культуру, что эта культура была выше, чем до сих пор обычно думали, и что она оказывала сильное воздействие не только на Восток, но и на Запад Европы. Но, чтобы изучить степень и формы этого воздействия, нужно прежде всего изучить византийскую культуру. Историк-медиевисту очень важно ознакомиться с подробностями организации византийского мореходства, византийских корпораций ремесленников, шелковых мастерских, общественного призрения, странноприимных и детских домов, госпиталей и больниц, крупных коммерческих фирм, существовавших в X в. в Константинополе, с обстановкой той интеллектуальной жизни, которая в средневековом Константинополе напоминала итальянское *cinquecento*, с устройством библиотек и школ, изучением права и медицины в Византии. К сожалению,

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 193.

Острогорский даже не подошел к этой задаче, и она ждет еще своих исследователей.

Как ни значителен был вклад старой византийской культуры в русскую культуру, нельзя так преувеличивать влияние византийской культуры на русскую, как это делает Острогорский. Великая русская культура имеет самостоятельное происхождение и самостоятельное мировое значение. Великой Россию сделал русский народ. По Острогорскому же, Россию сделало великой византийское православие.

В начале своей работы Острогорский пишет, что „в настоящем расцвете византиноведения не принимает участия страна, которая в довоенное время сильно двигала вперед византиноведческие исследования — это Россия, где византиноведческие занятия с 1917 года почти совершенно прекратились“.

Мы не знаем, о каком „расцвете византиноведения“ в настоящее время говорит Острогорский. Как и многие другие отрасли исторической науки, византиноведение на Западе переживает период упадка. Состояние же советского византиноведения Острогорскому просто незнакомо. Иначе он не решился бы делать такие утверждения, не имеющие ничего общего с действительностью.

М. В. Левченко

LOUIS BRÉNIER. VIE ET MORT DE BYZANCE.

Ed. A. Michel. Paris, 1947, 530 p.

В 1947 г. в Париже появился XXXII т. исторической серии „Эволюция человечества“,¹ посвященный истории Византии. По первоначальному замыслу издателей авторство этого тома было поручено Шарлю Дилью. Однако, в связи со своей болезнью, Ш. Диль не смог выполнить этой задачи и возложил ее на другого видного византиниста — Луи Брейе. Рецензируемая книга, носящая название „Жизнь и смерть Византии“, представляет т. I „Византийского мира“ данной серии, за которым должны последовать т. II — „Учреждения Византийской империи“ и т. III — „Византийская цивилизация“. Автор книги — известный французский византинист, всю свою жизнь посвятивший изучению истории Византии и в течение 40 лет состоящий редактором „Bulletin byzantin“ в „Revue historique“. Его перу принадлежит ряд специальных работ по истории Визан-

¹ Bibliothèque de synthèse historique. L'évolution de l'humanité. Dirigée par Henri Berr. Le monde byzantin.